

УДК 316 (075)

Зекрист Рида Ирековна

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Костанайского филиала Челябинского государственного университета (Республика Казахстан) тел.: (714) 222-06-25

Zekrist Rida Irekovna

PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Natural Science Disciplines of Kostanay affiliated branch of Chelyabinsk State University (Republic of Kazakhstan) tel.: (714) 222-06-25

ВЛАСТЬ: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА

В статье анализируются некоторые подходы к пониманию сущности власти и ее структуры. Автор в данной работе, пользуясь заявленным подходом, предлагает преодолеть проблемы, создаваемые такой множественностью.

Ключевые слова: власть, отношение, властеотношение, властеосуществление, связь-отношение, субъект-объектное отношение, семіозис власти.

POWER: ESSENCE AND STRUCTURE

The article analyses some of the approaches to understanding the essence of power and its structure. In the paper the author proposes to overcome the problems created by such a multiplicity using the stated approach.

Key words: power, relation, power relation, power realization, communication relation, subject-object relation, semiosis of power.

Проблема сущности, структуры и типологии власти продолжает оставаться дискуссионной. Существует множество точек зрения, многие из которых являются взаимоисключающими. Если смотреть обобщённо, то все концепции власти можно свести к двум основным. Согласно одним, власть – это универсально-онтологический феномен, согласно другим, она является исключительно социальным феноменом. Мы придерживаемся этой второй точки зрения. Но и среди сторонников этой точки зрения понимание сущности, структуры и типологии власти существенно различаются между собой. Мы, опираясь на некоторые из них, предлагаем своё истолкование этих вопросов.

Многие авторы считают, что понятие власти следует определять через понятие отношения. Так, например, П.А. Сапронов пишет: «Исходный пункт для последующего рассмотрения власти можно попытаться найти в констатации того несомненного обстоятельства, что власть – это отношение. Его наличие требует как минимум двух начал, одно из которых господствует, другое – подчиняется, одно – властвующее, другое подвластное» [1, с. 219]. Оставим пока в стороне его характеристики сторон данного отношения.

Как известно, в 1960-е гг. в советской философии началось интенсивное штудирование сочинений К. Маркса 1860-х гг., включающих не только «Капитал», но и целую серию подготовительных работ к нему. Ряд исследователей (Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев, А.П. Огурцов и др.) обратили внимание на некачественность переводов этих сочинений на русский язык. «По этим переводам, – пишет, к примеру, А. А. Хамидов, – нелегко усмотреть философское содержание “Капитала” и того, что было названо “подготовительными работами” к нему. Столь низкий уровень переводов во многом был обусловлен тем, что в “Капитале” и серии примыкающих к нему работ усматривали исключительно политико-экономическое произведение, в котором-де кое-где встречаются философские вкрапления. И потому не стремились утруждать себя вникновением в существо этих “вкраплений”» [2, с. 98]. Как показали исследования, неадекватно переведены многие понятия, характеризующие разные аспекты сущности человека и его деятельности, а также понятия, посредством которых выражена Марксова концепция отчуждения.

Конечно, речь отнюдь не идёт о соответствии или несоответствии перевода немецко-русскому словарю. Речь идёт о концептуальном смысле слова, который, возможно, не значится ни в одном словаре. В таких случаях один и тот же термин может оказываться носителем разных значений. Примером может быть немецкий термин «Identität». В работах по онтологии, теории познания, диалектике он переводится на русский язык как «тождество» (например: тождество противоположностей). В работах же по социальной философии, социологии, социальной философии и т.д. его необходимо переводить как «идентичность» (проблема идентичности, как известно, в последние десятилетия – одна из важных проблем этих наук). Существуют ситуации, когда разные термины переводят одним и тем же словом, которое становится носителем одного и того же понятия. При этом существуют такие исследовательские ситуации, когда такое понятие можно брать в его абстрактной форме и это не наносит концептуального ущерба исследованию или интерпретации той или иной концепции.

В данном случае мы столкнулись с ситуацией, когда уже нельзя два разных термина рассматри-

вать как носители одного и того же концептуального смысла, одного и того же понятия. Речь идёт опять же о текстах К. Маркса. В этих текстах встречаются, с одной стороны, термины «Beziehung» – «связь» и «Zusammenhang» – «взаимосвязь», а с другой стороны – термин «Verhältnis» («отношение»). В русских переводах эти термины фигурируют то как «связь», то как «отношение». В.Н. Песенко обратил внимание на то, что сам К. Маркс строго их различает. Следовательно, он установил, что необходимо развести понятия «связь» и «отношение» и дал им следующую интерпретацию. Согласно ему, «социальную связь...можно охарактеризовать как общественно направленную форму деятельности человека, в которой она соотносится с деятельностью других людей. По своей природе она указывает лишь на направленность действия и выступает как односторонне направленное действие» [3, с. 117]. И ещё: «Под связью понимается такая взаимосвязь предметов, явлений, свойств, при которой изменение одного предмета, явления, свойства ведёт к изменению другого» [4, с. 118].

Нам представляется, что следует признать интерпретацию данного автора недостаточной. Мы считаем, что в понятии «связь» превалирует элемент необходимости и до некоторой степени независимости от воли тех, кто находится в связи. Отношение же включает в себя элемент свободы и элемент сознательной интенции. В «Немецкой идеологии» сказано: «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не относится ни к чему и вообще не относится; для животного его отношение к другим не существует как отношение» [5, с. 29]. Животное логикой естественной необходимости связано с природной средой и с особями своего вида и потому, по Марксу, не имеет к ним отношения (сегодня мы знаем, что многие высшие животные обладают начатками сознания). Приведём ещё одно высказывание К. Маркса. В «Экономической рукописи 1861 – 1863 годов» он писал о том, что «общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят и обладают... способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей» [6, с. 249]. Таким образом, между людьми существуют как связи, так и отношения.

С учётом сказанного следует откорректировать тезис о том, что в случае с властью имеет место отношение сторон, или полюсов, – властвующей и подвластной. Речь, считаем мы, должна идти о соотношении, или сосуществовании этих сторон, или полюсов. В свете различия связи и отношения можно сказать, что соотношении властных сторон двуедино: в нём всегда присутствует единство социальной связи как зависимости, взаимозависимости и социального отношения; оно есть специфическая связь-отношение, или же связь-и-отношение. Можно употребить уже встречающийся в литературе термин властеотношение, но, имея при этом в виду, что речь идёт о его двуединой сущности, т.е. не только об «отношении», но и о связи. Характер соотношения связи и отношения во властеотношении определяется типом последнего: в нём может преобладать связь, а может и отношение. Содержанием этой связи-отношения являются те его атрибуты, которые определяются его функцией в социокультурном целом. Но о них будет сказано ниже.

Первое, что можно сказать о властеотношении – то, что оно есть единство противоположностей и, значит, в нём выполняется диалектика соотношения противоположностей. Понятие «противоположность», как известно, применяется в двух значениях: 1) как специфическое соотношение сторон и 2) как сторона такого соотношения. Это различие значений, однако, не мешает пониманию того смысла, в котором они каждый раз употребляются; всё ясно из смыслового контекста. Любые противоположности неразрывно сосуществуют друг с другом и определяются в качестве таковых именно через это сосуществование. Правое определяется через левое, и наоборот. Одна противоположность, противоположность «сама по себе» невозможна. Следовательно, всегда имеет место единство противоположностей. Но это единство на деле является двуединством. Одним моментом его является взаимное полагание противоположностями друг друга: правое предполагает наличие левого, и наоборот. Тем самым противоположности взаимно утверждают друг друга. Другим моментом единства противоположностей является их взаимоисключение, следовательно, взаимное отрицание друг друга. Та или другая противоположность существует лишь постольку, поскольку она отталкивается от другой противоположности.

Этой логике подчиняются любые противоположности. Но существуют различные виды противоположностей. Есть противоположности, существующие на поверхности явлений (таковы верх и низ, правое и левое и т.д.), а существуют и такие, которые коренятся в сущности явлений. Отношение таких противоположностей Гегель называл рефлексивным, а сами эти противоположности – рефлексивными определениями (Reflexionsbestimmungen). Он писал, что на уровне сущности «определения суть рефлексивные определения, положенные самой сущностью и сохраняющиеся в ней как снятые» [7, с. 9]. На уровне сущности противоположности отнюдь не противостоят друг другу внешним образом, дуалистически (как, например, противостоят друг другу верх и низ), а взаимопроникают. К. Маркс писал о соотношении относительной и эквивалентной форм стоимости как

о рефлексивных определениях (в русском переводе стоит слово «соотносительных») [8, с. 67].

Все условия соотношения противоположностей – противоположностей как рефлексивных определений – применимы к соотношению власти и подвластности, к властеотношению. Власть и подвластность – отнюдь не поверхностные противоположности, не затрагивающие сущностное измерение социокультурной действительности. Напротив, они суть именно сущностные противоположности или, выражаясь языком Гегеля и Маркса, рефлексивные определения. «В рефлексивном определении, – пишет Гегель, – имеются... две стороны...» [9, с. 27]. Однако говорить о противоположностях властеотношения как о его «сторонах» или «полюсах» – значит допускать концептуальную нестрогость. Но, конечно, могут существовать и реально существуют в истории социума такие ситуации, когда такие термины к ним вполне применимы, хотя и с оговорками. Власть логически предполагает подвластность и определяется через соотношение с ней. Точно так же обстоит и с подвластностью: она определяется в качестве таковой именно через соотнесение её с властью. Но своим наличным бытием и функционированием власть отрицает подвластность, точно так же и подвластность своим наличным бытием и своим функционированием отрицает власть. Власть – это не-подвластность, а подвластность – это не-власть. Они взаимозависимы друг от друга и существовать друг без друга не могут.

Для властеотношения существенно то, что оно построено по вертикали. Власть занимает здесь верхнюю позицию, подвластность – нижнюю. Вектор власти направлен на подвластность сверху – вниз. Следовательно, властеотношение – это с самого начала есть одна из форм социального неравенства. Оно, как выражаются некоторые авторы, асимметрично. У власти и подвластности неравные возможности и полномочия. И это неравенство укоренено в наличном социуме. Властеотношение, отметили мы, есть единство связи и отношения. Но на деле тут имеется два вида отношений: 1) отношение власти к подвластности и 2) отношение подвластности к власти. У власти и у подвластности не только различные, но и противоположные функции и интересы. Поэтому властеотношение по своей форме может быть как паритетным, так и конфликтным и даже конфликтным. К сказанному необходимо добавить следующее. Под отношениями власти к подвластности и подвластности к власти лежит их связь, точнее, взаимосвязь. Она есть также зависимость их друг от друга, то есть взаимозависимость. Однако в обиходе обычно подразумевается зависимость чего-то (или кого-то) от чего-то (или кого-то). И эта зависимость чаще всего понимается как власть над этим чем-то и кем-то. На это надо заметить, что не всякая зависимость есть испытывание давления со стороны именно власти. Скажем, зависимость человека от климатических условий вовсе не есть власть этих условий над человеком; зависимость водителя от установленных правил дорожного движения не есть власть этих правил над водителем; и т.д. Хотя для образного, поэтического мышления она может представляться таковой.

Система власти – подвластности укоренена в социуме. Она обусловлена социальной необходимостью и потому является социально санкционированной. Власть отнюдь не цель социума (или конкретной общности); она – всецело средство, выполняющее в системе социума (или общности) вполне конкретные функции, которые никто, кроме неё, выполнять не может. Основная цель всякого социума – сохранение его целостности. Для этого оно не должно быть хаотично функционирующим. Следовательно, социальные процессы должны как-то управляться и регулироваться. Какие-то процессы должны стимулироваться, а какие-то регламентироваться или даже пресекаться. Вот эту функцию объективно и призвана осуществлять система власти, состоящая, как уже сказано, из связи-отношения «власть – подвластность». Следовательно, самая общая функция системы власти – управленчески-регулятивная. В этом её назначение и в этом её оправдание, её легитимность.

Очень многие исследователи феномена власти трактуют соотношение власти и подвластности как субъект-объектное отношение: субъект, согласно им, находится на стороне власти, а объект – на стороне подвластности. Приведём лишь два примера. Согласно В.Г. Ледяеву, «основными структурными элементами властного отношения являются субъект власти – агент, выступающий причиной изменения (возможного изменения) действий другого агента (объекта) – и объект власти – агент, изменение деятельности (сознания) которого является следствием каузального отношения» [10, с. 120-121]. О.М. Ледяева пишет: «Субъект власти осуществляет подчинение, он подчиняет, процесс власти есть процесс подчинения. Со стороны объекта власти наблюдается подчинение, он подчиняется» [11, с. 17]. В том, что В.Г. Ледяев называет участников властеотношения агентами, имеется глубокий смысл, хотя сам автор о нём, скорее всего, и не догадывается.

Вопреки процитированным и всем иным авторам, мыслящих властеотношение в терминах субъекта и объекта, человек по своей сущности не является объектом. М.М. Бахтин верно отмечает, что «личность не объект, а другой субъект» [12, с. 326] и что «человек существует в форме я и другого...»

[13, с. 319]. Между людьми как субъектами существуют диалогические, полифонические связи и отношения, чего не может иметь места в отношении субъекта к объекту. «К объекту, – пишет М. М. Бахтин, – не может быть диалогического отношения...» [14, с. 290]. А объектом для человека может выступать только то, что по своему онтологическому уровню находится ниже его, то есть любой природный феномен. В.Г. Ледяев же, толкуя властеотношение как каузальное отношение, тем самым – неявно для самого себя – изображает подвластную сторону как низший вид объекта – как вещь.

Конечно, в истории не раз случалось, что человек системой социального устройства ставился в положение, которое достойно только объекта. Таково, например, положение раба в рабовладельческих формациях, положение наёмного рабочего на ранних стадиях капитализма, узника советского ГУЛАГа или фашистского концлагеря и т.п. Но ведь – что характерно – и тот, кто ставит его в такое положение, тоже не может считаться действительным субъектом. Ведь он относится к нему как объект (очень мощный объект!) к объекту же. Десубъектизация в данном случае захватывает обоих, хотя и по-разному.

Но значит ли это, что исполняющий властные функции и исполняющий функции подвластности – в равной мере являются субъектами и что, следовательно, властеотношение есть вид субъект-субъектного отношения? На данный вопрос следует ответить отрицательно и вот почему. Положение и того и другого определяется теми функциями, которые им соответственно предписаны социумом. Их бытие, их поведение – каждого на своём месте – всецело функциональное, исполнительское. В то общественно определённое время, когда они функционируют в качестве таковых, они лишь отчасти субъекты, а по преимуществу – агенты (тут именно термин В.Г. Ледяева уместен) властеотношения. Сюда же подходит и термин «носитель» (по-немецки – Träger). По ту сторону данного отношения, в своей приватной жизни как один, так и другой являются (или могут являться – в зависимости от обстоятельств) субъектами.

Теперь нам следует перейти к основному вопросу настоящей статьи – к вопросу об атрибутах власти и подвластности. Попутно обратим внимание на то, что почти во всех концепциях специально не анализируется подвластность, что всё внимание сосредоточивается, в основном, на власти как моменте властеотношения. Можно также отметить, что в подавляющем большинстве концепций сама власть предстаёт в редуцированном виде: она редуцируется к какому-то одному её моменту (реже – к нескольким), который и выдаётся за власть как таковую. А это уже редуccionизм.

Г.С. Батищев отмечает, что «в специально-научных исследованиях... без временных, преходящих и ограниченных редуccion и шагу не шагнёшь! Не может быть никаких оснований для огульного осуждения всякого редуccionизма и отрицания его положительного значения в строго локальных предметных границах. Но что касается философского, притязającego на универсальность, а главное – на необратимость, всеобще-методологического и ценностного редуccionизма, то он обнаруживает свою весьма серьёзную опасность...» [15, с. 178]. Опасность эта состоит в том, что философия в целом, социальная философия как её раздел – в частности, по своему статусу претендует на выработку мировоззренческих и основанных на них методологических ориентиров для положительных, специально-научных исследований. И если на мировоззренческом уровне осуществляются редуccion, то они соответственно будут редуccionистски ориентировать и конкретно-научные исследования – политологические, социологические и иные. Следовательно, мы должны – по возможности – избежать редуccionизма.

Многие авторы в качестве одного из атрибутов властеотношения называют активный характер власти и пассивный характер подвластности. Приведём одно определение власти. Оно принадлежит О.М. Ледяевой. «Власть, – пишет она, – оказывается, с одной стороны, “властью для”, обеспечивающей сам процесс осуществления совместной деятельности, т.е. функционирующей в интересах социальных субъектов, а с другой стороны – “властью над”, ограничивающей те или иные интересы субъектов с той же целью – реализовать саму возможность их совместной деятельности. В определённых обстоятельствах одна из сторон власти может превалировать над другой, но никогда власть не может быть только “для” или “над”: она всегда и то, и другое» [16, с. 23]. На данное определение можно ответить следующее. Власть действительно осуществляется «над» – над тем, кто находится в положении подвластности, ибо властеотношение, как отмечено выше, построено по социальной вертикали. Что же касается тезиса о том, что власть осуществляется «для», непосредственно в интересах обеих сторон властеотношения, то это не так. В отношении агента, носителя власти это может быть справедливым и то в том случае, если он, так или иначе, эксплуатирует властную функцию, предписанную ему социумом. В отношении же агента подвластности это «для» имеет лишь опосредствованный смысл. Ведь власть функционирует в интересах целого, а значит, в конечном счёте, и для него.

Вернёмся к вопросу активности – пассивности. Активность – это характеристика человеческой деятельности. Связана ли власть с деятельностью? Э. Гидденс, к примеру, считает, что «деятельность логически подразумевает власть, понимаемую как способность к преобразованиям» [17, с. 56]. Но как при этом понимается деятельность? Гидденс и сам задаёт такой вопрос: «Что же можно сказать о природе и сущности деятельности?» [18, с. 47] и даёт на него такой ответ: «Говоря о деятельности, мы имеем в виду не только намерения людей сделать что-то, но и их способность сделать это в первую очередь (именно поэтому понятие деятельности подразумевает власть...)» [19, с. 49]. Это, надо сказать, довольно примитивное понимание сущности деятельности. Человеческая деятельность – это предметная деятельность. Она есть способ бытия как самого человека, так и создаваемого им социокультурного мира. Человек развивает и совершенствует свою деятельность по мере освоения и преобразования им природы и накопленной культуры. Активность деятельности вырабатывается в процессе этого освоения и преобразования. «Человеческая деятельность, – отмечает Г. С. Батищев, – настолько активна, насколько она развита как предметная, насколько она обогащена предметностью» [20, с. 83]. Приписывать власть, как это делает Э. Гидденс, любому акту так понимаемой деятельности – по меньшей мере, некорректно.

Теперь об активности власти по отношению к подвластности. Если бы речь шла о полноценном взаимоотношении людей как субъектов, то активность имела бы следующую форму (М.М. Бахтин в данном случае пишет об активности «в отношении чужого живого и полноправного сознания»; но это применимо и к целостному человеку): «Это активность вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая и т.п., то есть диалогическая активность, не менее активная, чем активность завершающая, овеществляющая, каузально объясняющая и умерщвляющая, заглушающая чужой голос бессмысленными аргументами» [21, с. 310]. Но именно такую – субъект-объектную – форму активности подразумевает подавляющее большинство исследователей власти. Так, польский философ Е. Вятр пишет: «Власть – это возможность приказывать в условиях, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться» [22, с. 159].

Но обратим внимание на ту деятельность, которую осуществляет агент, или носитель, власти. Он осуществляет регулятивно-управленческие действия в отношении носителей подвластности. Это функциональные действия. Он, в границах исполнения предписанной ему социумом функции, не может находиться с агентом, или носителем, подвластности в субъект-субъектных отношениях, как и последний – с ним. Следовательно, и деятельность агента власти не является целостной; она – частична. И такова же его активность. На поверхности социальной действительности кажется, будто власть исключительно активна, а подвластность всецело пассивна. Но это совсем не так. Агент подвластности также осуществляет деятельность, предписанную властью, а, следовательно, также активен. Но деятелен и активен тоже лишь в границах предписанного ему, в границах исполнительства. На поверхности социальной действительности возникает видимость, будто социально-онтологически первичной является власть, а подвластность только потому-де и существует, что есть инстанция власти. В действительности же дело обстоит как раз наоборот: подобно тому, как в соотношении относительной и эквивалентной форм стоимости определяющей является первая. Как отмечает К. Маркс, «все товары отличаются от денег (всеобщего эквивалента – Р.З.) только формально; деньги являются лишь особой формой существования товаров, которую товары принимают в обращении и для обращения» [23, с. 31]. Товары исторгают из своей среды один товар и наделяют его особым статусом. И начинают относиться к нему соответственно этому статусу как к не-товару. «При этом создаётся впечатление, будто не данный товар становится деньгами только потому, что в нём выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, будто бы эти последние выражают в нём свои стоимости потому, что он – деньги» [24, с. 102]. В ходе развития товарного производства происходит обособление денег относительно мира простых товаров. «Деньги существуют... как меновая стоимость всех товаров наряду с ними и вне их» [25, с. 132]. Но определяющим началом обладают не деньги, как бы это ни казалось некритическому сознанию, а простые товары. Точно так же обстоит и с властью. Социум выделяет особую функцию и закрепляет за ней отдельного индивида или группу индивидов. Власть и осуществляющие её индивиды теперь существуют не просто вне остальных индивидов, но и над ними. «Например, – пишет К. Маркс, – этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают, наоборот, что они – подданные потому, что он король» [26, с. 67].

Выше мы говорили о том, что власть есть единство многообразных её моментов, или элементов, которые в своей совокупности обеспечивают её целостность. В литературе принято говорить о структуре власти. Существуют на этот счёт самые разные взгляды. Не обращаясь к ним ввиду ограниченности объёма статьи, мы предлагаем своё понимание структуры, как власти, так и подвластности. Сна-

чала рассмотрим структуру власти как стороны властеотношения. На наш взгляд, структура власти, или властной инстанции, включает три класса элементов: 1) атрибуты власти как стороны властеотношения; 2) методы осуществления власти; 3) средства осуществления власти; 4) уровни социальной дислокации власти. Начнём с атрибутов. Это элементы власти, которые характеризуют власть как власть, власть вообще. Мы считаем, что атрибутами, или элементами, власти как власти являются следующие: 1) функция власти (назначение её в социуме); 2) сфера и границы властеосуществления, заданные социумом; 3) возможность и способность осуществлять власть, властные полномочия (говоря словами В.Г. Ледяева, «право распоряжаться, повелевать, управлять»), легитимность власти; 4) воля к господству и подчинению (кого?); 5) стратегия властеосуществления.

Методами, обеспечивающими осуществление стратегии власти, или тактикой властеосуществления, являются следующие: 1) диктат, 2) насилие, 3) принуждение, 4) убеждение, 5) авторитет, 6) манипуляция сознанием подвластной стороны, 7) регламентация поведения и действий подвластной стороны, 8) набор санкций. Здесь перечислены все возможные; они далеко не всегда имеют место в той или иной форме осуществления власти (к примеру, авторитет и насилие несовместимы). М. Фуко пишет, что «власть скорее отправляется, нежели принадлежит...», что «отправляемая власть понимается не как достояние, а как стратегия...» и что «надо видеть в ней сеть неизменно напряжённых, активных отношений, а не привилегию, которой можно обладать» [27, с. 41]. Что касается стратегии, то, как мы отметили выше, это не сама власть, а один из её моментов. Говорить же о всякой власти, которая «отправляется», подобно культу, то это применимо, очевидно, лишь к каким-то архаическим формам религии, так как о монотеистических мировых религиях этого сказать нельзя. Слова же Фуко о том, что власть не может принадлежать, что ею нельзя обладать и что она не может быть привилегией, то некоторые авторы выделяют такой феномен, как власть-собственность [28, с. 119-131]. Субъективно некоторые агенты власти могут считать её привилегией, поскольку могут её эксплуатировать в личных интересах. Средствами, или ресурсами, осуществления власти являются идеологическая индоктринация сознания подвластной стороны, пропаганда, семиозис власти. Семиозис – это знаковая, означающая и (или) символизирующая деятельность, оформляющая атрибуты власти, её методы и средства. К примеру, скипетр короля, корона царя, тиара папы римского и т.д. – это семиотические атрибуты власти.

В вопросе об уровнях социальной дислокации власти мы опираемся на И.И. Кравченко, который выделил, правда, преимущественно применительно к политической власти, три уровня последней: 1) макроуровень, характеризующий высшие властные инстанции; 2) микроуровень (различные виды власти на уровне малых групп и индивидов); 3) мезоуровень, т.е. средний уровень, который «связывает эти два крайних и весьма различных уровня политических и властных отношений» [29, с. 6]. Эта трёхуровневая структура включает все охарактеризованные выше три класса элементов власти. Причём на каждом из уровней эти элементы функционируют в специфической форме, а некоторые из них отсутствуют на мезо- и особенно на микроуровне.

Подвластность также имеет свою структуру. Эта структура намного проще, чем структура властной инстанции. Некоторые элементы этой структуры аналогичны тем же, что и у власти, но, так сказать, с противоположным знаком, как бы «антиэлементы». Основная функция подвластности – властеисполнение, подчинение (кому?), исполнение распоряжений властной инстанции. У власти и у подвластности разные степени свободы. Волевой элемент в структуре подвластности тоже существует. Он противостоит властной воле, противится ей или же целесообразно согласуется с ней. Этот элемент ограничивается, блокируется, и даже подавляется властной инстанцией, поскольку конечные, то есть непосредственные, интересы у власти и у подвластности не только различны, но и взаимоисключающи. Методами и средствами, которые здесь фактически совпадают, могут быть повинование, исполнительство, рабское положение, противостояние, конфликт, агрессия, бунт. С точки зрения общественного интереса соотношение власти и подвластности призвано быть таким, чтобы в социуме соблюдалась его устойчивость, динамическое равновесие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб., 2000.
2. Хамидов А.А. Путь открытий как открытие пути: философские искания Г.С. Батищева // Генрих Степанович Батищев. М., 2009.
3. Песенко В.Н. Системно-исторический подход в анализе социальных связей и отношений // Проблема человека в «Экономических рукописях 1857 – 1859 годов» К. Маркса. Ростов-н/Д, 1977.
4. Там же.

5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Шtirнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1955. Т. 3.
6. *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861 – 1863 годов. Процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1973. Т. 47.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. В 3-х т. М., 1971. Т. 2.
8. См.: *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии: процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1960. Т. 23.
9. *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. В 3-х т. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
10. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001.
11. *Ледяева О.М.* Понятие власти // Власть многолика. М., 1992.
12. *Бахтин М.М.* К переработке книги о Достоевском // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
13. Там же.
14. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
15. *Батищев Г.С.* Диалектика перед лицом глобально-экологической ситуации // Взаимодействие общества и природы. Философско-методологические аспекты экологической проблемы. М., 1986.
16. *Ледяева О.М.* Указ. соч.
17. *Гидденс Э.* Устройство общества. Очерк теории структуриации. М., 2003.
18. Там же.
19. Там же.
20. *Батищев Г.С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969.
21. *Бахтин М.М.* К переработке книги о Достоевском. М., 1961.
22. *Вятр Е.* Социология политических отношений. М., 1979.
23. *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861 – 1863 годов. Процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1973. Т. 47.
24. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии: процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1960. Т. 23.
25. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857 – 1859 годов. (Первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. М., 1968. Т. 46. Ч. I.
26. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала. Примеч. 21.
27. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
28. *Васильев Л.С.* Возникновение и формирование китайского государства // Китай: история, культура и историография. М., 1977; См., напр.: *Цирель С.В.* «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // Общественные науки и современность. 2006. № 3.
29. *Кравченко И.И.* Средний («мезо») уровень политической и неполитической власти. Вопросы типологии и структуры власти // Власть. Философско-политические аспекты. М., 1989.